

Глеб Иванович Успенский

Ответчики

Мельком

Глеб Успенский

Ответчики

«Public Domain»

1890

Успенский Г. И.

Ответчики / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1890 — (Мельком)

«...Поводом для написания статьи послужило уголовное дело некоей Скублинской и ее сообщников, слушавшееся в конце октября 1890 года в Варшавском окружном суде и привлекшее широкое общественное внимание. Скублинская жила тем, что принимала за вознаграждение «на воспитание» детей, приносимых ей матерями, и кроме того брала их из воспитательного дома. Младенцы выдерживали недолго: они умирали от голода и от отсутствия ухода. Количество детей, умерщвленных Скублинской, осталось неустановленным; во всяком случае оно составляло несколько десятков. Приговор суда носил чрезвычайно мягкий характер: Скублинская и ее компаньонка были приговорены к трем годам тюремного заключения, остальные сообщники осуждены на срок до шести месяцев...»

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Глеб Иванович Успенский

Ответчики¹

(Продолжение предыдущего)

1

...Те же самые своевольные, независимые крестьянские женщины обречены на неминуемую гибель, если только, по тем или иным причинам (о причинах будет сказано подробнее), будут вынуждены оставить родной дом, деревню и искать хлеба на стороне и в труде по найму.

Ужасное дело о варшавских «детоубийствах» еще не подлежало суждению гласного суда, – но мы уверены, что суд, если и не оставит без наказания женщин, «кормившихся» около «брошенных» детей, то он, несомненно, выяснит те великие неправды современного строя жизни, в котором множество матерей не могут исполнять своих материнских обязанностей и множество детей обречены быть брошенными своими родными матерями.

Прежде всего, конечно, несметное множество крестьянских женщин, оторванных от своего хозяйства, и в большинстве самого цветущего возраста, поглощает всякий *город*, большой или малый, все равно. Каждый городской дом не может ни в каком случае обойтись без прислуги как мужской, так и женской. И если мы выделим из общего числа прислуги вообще только одних женщин, и притом таких, которые исполняют в доме лишь черную работу (не говорим о гувернантках, компаньонках и пр.), то увидим, что и этого рода тружениц семейный дом требует в весьма немалом количестве: кормилицы, няньки, горничные, кухарки, швеи, прачки, все это *необходимые* в каждом семействе радетели и пособники, без которых *никоим образом* не может обойтись ни один обывательский городской дом. И если это количество *необходимых* пособников помножить на сотни и тысячи таких же семейств, количество которых увеличивается по мере возрастания народонаселения, то получится поистине несметное множество *одних только женщин*, которых поедает чрево *города* и которые обречены на полнейшую невозможность хотя бы подобия независимого существования.

Неудивительно поэтому, что *подкидыши* есть в настоящее время неперенная принадлежность «*городских известий*» всякой газеты, издающейся в таких городах, где г. Купон в большей или меньшей степени запустил свой «коготок»; не говоря о столицах, – Одесса, Ростов, Киев, Казань и все поволжские крупные торговые пункты почти *ежедневно* свидетельствуют в своих листках о подкинутых младенцах. Но в тех же листках, не в городских известиях, а на последней странице объявлений, целые столбцы также ежедневно свидетельствуют, какое огромное количество бездомного народа (и опять-таки *преимущественно женщин*) ищет труда, работы, места, то есть вообще куска хлеба. *Ежедневный подкидыш*, большею частью в единственном числе, и ежедневная масса, десятки и сотни женщин, ищущих куска хлеба, эта параллель между размерами женской нужды и одним-двумя брошенными детьми ясно свидетельствует о том, что брошенный ребенок – не продукт распутства и разврата темной городской «массы», как это утверждают, между прочим, некоторые исследователи варшавских событий.

Подкидыш, то есть *брошенный* ребенок, есть прямое следствие скопления в городах огромного количества рабочего народа обоего пола, *необходимого* для обихода жизни городского обывателя, а следовательно, он, обыватель, не имеющий никакой возможности обойтись без покупного труда, и есть прямой и первый *ответчик* за брошенного ребенка брошенной на произвол судьбы женщины.

Мы подчеркиваем слово *брошенный*, потому что только в *городе* матери случайно рожденных детей могут быть поставлены в положение, не дающее им никакой возможности их

растить и даже кормить хотя несколько дней; *незаконные* рождаются в деревне, но участь их не такая, какова участь городского *незаконного*. «В одном из селений Лаишевского уезда², при производстве коренного передела земли, общество сильно занимал вопрос: наделить или не наделить землю незаконнорожденных? Большинство склонилось к тому, чтобы не наделить, во-первых, потому, что «кто его знает, чей он? – нашинского или чужого?» – а во-вторых, и, пожалуй, *главным, образом* потому, что *надели их землей, так солдаты да вдовы* столько натааскают ребят, что им, чего доброго, придется половину поля отрезать». В данном случае *отказ* в наделе земель объясняется только крайним малоземельем той местности, где находится указанное выше селение. Очевидно, что если бы у мирян было во владении достаточное количество земли, о *незаконнорожденных* и речи не было бы на миру, как не было ее и до сих пор. С другой стороны, какая разница в положении *этих безмужних* женщин, имеющих в своем распоряжении только «свои руки», и такой же женщины, трудами рук своих существующей не в деревне, а в городе. Оказывается, что будь у деревенской *безмужней* женщины какое-либо малейшее соприкосновение *с землей*, так она безбоязненно может ответствовать сама за себя; *незаконные*, которым отказывается в земле, не брошены деревенскими матерями, а *выращены*, и только малоземелье не дает их детям полного равенства в положении со всяким мирянином того сельского общества, где он родился.

Даже из одного этого примера – возможности для крестьянской женщины, будучи безмужней, не продавать своих рук из-за хлеба – городской нетруждающийся обыватель должен убедиться, что женщина решается идти к нему в услужение в том только случае, когда для нее утрачены все пути к *независимому* существованию, и что, следовательно, он благоденствует только усилиями тех человеческих существ, которые обречены необходимостью отказаться навсегда даже от тени мысли о возможности жить без кабалы.

² «Казанский листок».

2

Чтобы слова наши не были бездоказательными, приведем два-три самых заурядных жизненных факта, непосредственно касающихся благосостояния городского обывателя. «31-го августа³ в камере мирового судьи 1-го участка слушалось дело по обвинению от полиции крестьянской девицы Прасковьи Ермолаевой Лазаревой в подкинутии младенца. Обвиняемая признала себя виновною и объяснила следующее. Отдав на воспитание свое новорожденное дитя, она поступила в кормилицы. Несмотря на то, что обвиняемая ежедневно выдавала приемной матери своего дитяти по 15 к. и снабжала молоком, последняя требовала 5 р. разом, которых она еще не зажила. В 12 ч. ночи ей принесли назад ее ребенка. Вероятно, вследствие того, что обвиняемая не могла удовлетворить двух младенцев, оба кричали. *Хозяевам, конечно, это было неприятно. Не имея ничего в перспективе, кроме заработка в качестве кормилицы,*

³ «Волжск<ий> вестн<ик>», 1889 г., № 215.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.